

Пушкин
КЛУБ

ВТОРЫЕ ПОХОРОНЫ ПОЭТА

Взгл. клуб. - 1999. - 6 февр. - с. 11.

В гости к хранителю

Каждую весну в крыльце дома-музея поэта в Михайловском меняют ступеньки. Так было при первом хранителе Пушкиногорья Семене Гейченко, так осталось и при новом директоре музея-заповедника «Михайловское» Георгии Василевиче. Это не дань традиции, а необходимость, поскольку за «сезон» ступеньки стирают посетители. Поистине — никогда не зарастет народная тропа к «солнцу нашей поэзии». Из бывшей вотчины поэта ведет она к древним стенам Святогорского монастыря, где покоится его прах. На мраморе скромного памятника короткая надпись: «Александр Сергеевич Пушкин». И даты его рождения и смерти. Но установлен он был на могиле лишь в 1841 году.

Напомним, как это было. В полночь под стоны выюги от Конюшенной церкви в Санкт-Петербурге грохнулись две тройки. В кибитке передней ехали почталыон и друг семьи Пушкиных Александр Иванович Тургенев. Позади на санях-розвальнях припал к гробу с телом Пушкина его верный дядька Никита Козлов. Лишь через двое суток поздним вечером 5 февраля (по старому стилю) тройки остановились у ворот монастыря. Гроб внесли в церковь, а Никита бросился звать на помощь мужиков в Михайловское и Тригорское.

Чтобы выкопать могилу, пришлось разжигать костры — до того неподатлива была схваченная лютым морозом земля. А едва рассвело, по приказу сопровождавших жандармов крестьяне, трижды качнув (по местной традиции) гроб в сторону Михайловского, бережно опустили его в могилу, забросали мерзлыми комьями. Сверху покрыли холмик еловым лапником и поставили на нем сосновый крест.

...В Михайловском мне довелось побывать дважды — 6 июня, на ежегодном праздновании дня рождения Пушкина, и 14 февраля — отмечать в бревенчатой теплой избе день рождения многолетнего раде-

теля Пушкиногорья Семена Степановича Гейченко. Пока собирались немногие гости, а хозяйка с помощницами накрывала стол, я в сопровождении псковского журналиста Владимира Воробьева осматривал в прихожей коллекцию самоваров. Среди нескольких десятков водогревов выделялся один, серебряный, подарок цыганского песняра Николая Сличенко.

— Пока не стемнело, сходите на поклон, — Гейченко кивнул в сторону Святогорского монастыря.

По скрипучему снегу выходим по ступеням к площадке, останавливаемся у узорной металлической ограды. За ней на мраморных плитах-ступенях — цоколь с упомянутой выше надписью, в нише акротерия — беломраморная урна с покрывалом и обелиск с позолоченным крестом. Как по уговору, стоим молча, сняв шапки, ощущая в себе какую-то теплую волну — вот он, Пушкин, рядом. Опускаем бережно за ограду запасынные по дороге еловые ветви.

В сумеречной тишине так же молча возвращаемся по «Аллее Керн» — по глубокому снегу. В избе все готово, нас ждут. Радостно делимся с Гейченко, что вот, мол, сейчас прошли по «Аллее Керн». Улыбка сходит с лица хозяина, он глухо говорит, что негоже так поступать, все же он здесь директор. Недоуменно переглядываемся, а Семен Степанович поясняет:

— Там ведь ограждение, никто не ходит, а теперь на снежной белизне ваши медвежьи следы.

Позже, после нескольких тостов, хозяин отошел, пообещал нам рассказать утром о памятнике...

Рассказ Семена Гейченко

По весне того рокового 1837-го года земля на могиле осела. Наталья Николаевна с детьми приезжала в Михайловское не раз, при ней поправляли холмик. По теплу засадили его дерном, но нелепо выглядел на зелени всходов почерневший деревян-

ный крест. Наталья Николаевна тяжело вздыхала от сердечной тоски, вспоминая недавний разговор с известным издателем Павлом Александровичем Новиковым. «Наш долг ознаменовать воспоминание о Пушкине памятником, достойным его славы и русской чести, — горячо говорил ей Новиков. — И сильно забьется сердце юноши при взгляде на этот мрамор, на эту бронзу». Предлагал обратиться ко всем друзьям и почитателям поэта, позволить им участвовать в сем благородном деле.

Однако получилось все не так. Лишь через четыре года после дуэли состоялись вторые похороны Пушкина. В архивах Гейченко есть записи об уральце Александре Пермагорове, авторе надгробья Пушкину. Рабочий императорской гранитной фабрики в считанные годы стал известным мастером «каменного дела». А помогло несчастье. В декабре 1837 года запылал Зимний дворец, пожар тушили неделю. Огонь не пощадил ни царские хоромы, ни дворцовые сокровища.

Группа мастеров-каменщиков, среди которых был и Пермагоров, по личному указанию Николая I отделяла большую залу уральским малахитом. За Малахитовый зал, радующий и поныне, мастер получил серебряную медаль, а надгробья он делал не раз, их немало в некрополе Александрово-Невской лавры.

В то самое время, когда царь при осмотре Малахитового зала после знакомства с мастерами бросил адъютанту: «Занеси Пермагорова в памятную книжку», жена Пушкина в который раз обращалась к высоким сановникам с просьбой помочь ей в сооружении памятника мужу. Многие сочувственно выслушивали вдову, обещали помочь и дипломатично уходили в сторону.

Лишь в конце 1839 года председатель опеки над семьей и имуществом Пушкина граф Строганов от «имени вдовы камер-юнкера Пушкина и от своего лично» написал

прошение царю о «даровании высочайшего дозволения на сооружение памятника на могиле А. С. Пушкина». При встрече Николай I, запретивший публичные похороны поэта, с усмешкой спросил:

— Неужто даже креста нет, граф, что так хлопочешь?

— Деревянный, ваше величество, как на деревенском погосте. Вдова очень просит, говорит, что дала сердечный обет.

— Неужели так... — пожал плечами царь. — Река времен все смывает. Только скромно, без выкрутасов. Да у меня во дворце и мастер подходящий есть, Пермагоров. Сочините рисунок, мне покажете...

Сделанный мастером эскиз и чертеж надгробья царь рассматривал вместе с Бенкендорфом, которого называл своим «левым оком».

— Приемлемо, — вымолвил Николай I. — Как считаешь, Александр Христофорович? Да какую эпитафию сочинять? В стихах, верно?

— Никаких стихов, начитались уж, — желчно ответил Бенкендорф. — И имени хватит...

В ноябре 1840 года Александр Пермагоров с помощниками — братом Львом и Афанасием и Александром Истомиными закончили памятник, оплаченный главным опекуном графом Строгановым.

Сердечный обет

Смотреть памятник приехала в мастерскую Наталья Николаевна с детьми, сопровождал ее Строганов. И 10 декабря 1840 года семь подвод, груженные ящиками с частями памятника, двинулись в Псков. С провожатыми Наталья Николаевна отправила письмо на имя губернатора Ф. Ф. Бартоломея, просила о содействии. В ответе говорилось, что глава губернии считает «делом своей чести» помочь, но советовал отложить установку памятника до весны по причине морозов.

В Михайловское Наталья Николаевна с детьми прибыла 19 мая 1841 года. Тут же ей нанес визит гу-

бернатор, большой почитатель Пушкина. Он вручил вдове свои стихи, в которых есть такая строфа:

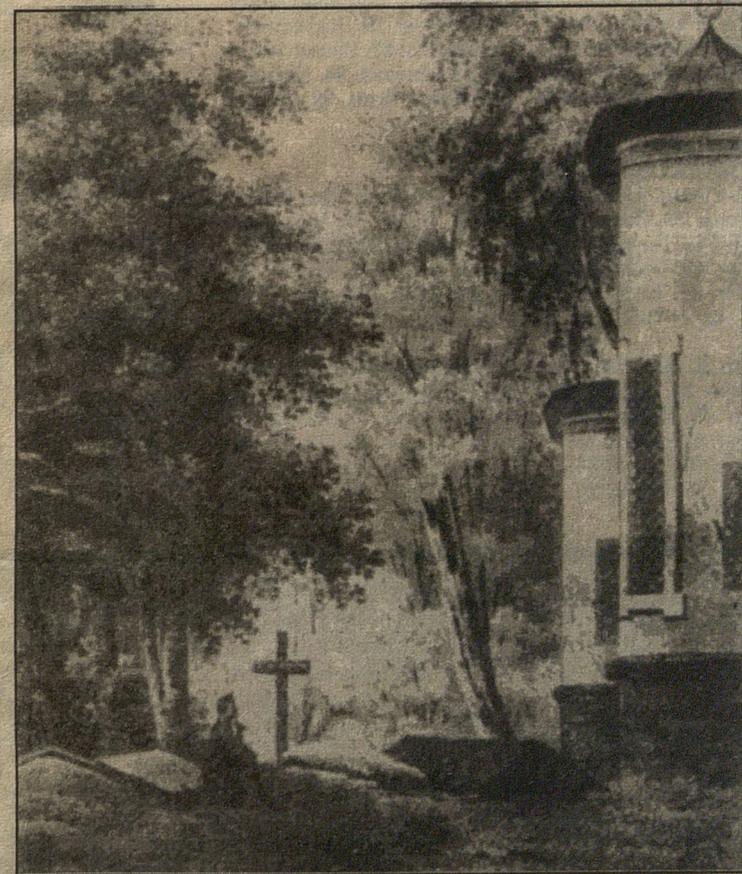
*И скоро гордый мавзолей,
Украшив холм уединенный,
Укажет, где в тени ветвей
Лежит поэт наш
вдохновенный.*

И предсказывал, что дивный генерал Пушкина «свершит полет до самых поздних поколений». Пока на булыжном фундаменте возводился кирпичный склеп, устанавливался мраморный обелиск, извлеченный из могилы гроб с прахом хранился в монастыре. На вторые похороны Пушкина собрались крестьяне из Михайловского и Тригорского, жив-

шие окрест дворяне, монастырский люд во главе с игуменом. Крестьяне бережно поместили гроб в склеп. «Сердечный обет, давно предпринятый, мною выполнен», — писала Наталья Николаевна другу Пушкина Павлу Нащокину. В 1902 году площадку со стороны склона обнесли мраморной балюстрадой по проекту псковского архитектора В. Л. Назимова.

Уже семизначной цифрой обозначают число паломников, приезжающих со всего света поклониться поэту в музей-заповедник «Михайловское».

Георгий ЯКОВЛЕВ

Могилы Пушкина в Святогорском монастыре. Акварель В. Малафеева. 1837.